

в целом. Здесь и известная процессия времен Птолемея II Филадельфа, описанная Афинеем со ссылкой на Калликсена Родосского²¹, и папирологические материалы о некоторых профессиях музыкантов в Египте и почетные декреты в честь лучших актеров на дионисийских празднествах, из которых мы узнаем о существовании в Египте эллинистической эпохи ассоциаций артистов-музыкантов.

По данным эпиграфики, сведениям, почерпнутым из литературных источников, привлекая анализ терракот и бронзовых статуэток, автор характеризует агоны в Александрии эллинистического времени. Нарисованная А. Бернаном картина дает дополнительные штрихи, лишний раз подчеркивающие типично эллинистический уклад жизни столицы Птолемея. Однако, не ставя специальной цели выявить этапы в развитии контактов греческой и египетской культуры в Египте, автор не пытается установить особенности александрийских агонов в римское время. Материал об агонах в Александрии собран в специальном разделе главы и относится главным образом к эллинистическому периоду.

Третья часть книги А. Бернана, названная «Город мертвых» (X — XIV главы), посвящена александрийским некрополям.

Возможности исследования некрополей Александрии определяются их прекрасной сохранностью, особенно по сравнению с городскими кварталами, разрушенными поздним строительством. К тому моменту, когда современная Александрия вышла за черту столицы Птолемея и приблизилась к границам древних некрополей на западной и восточной окраинах города, ее археологическое изучение уже контролировалось основанным в 1892 г. Греко-Римским музеем. Поэтому материалы некрополей тщательно изучались, а сами памятники там, где это оказывалось возможным, консервировались.

Несмотря на многочисленные публикации отдельных александрийских некрополей, предпринятые Греко-Римским музеем, до сих пор еще нет труда, посвященного их историческому осмыслению, за исключением нескольких исследований различных групп памятников, открытых в некрополях (например упомянутые выше работы Б. Браун и Л. Гверрини). Нет также и работы, охватывающей все известные александрийские некрополи или отдельные серии их, объединенные в хронологические группы²².

²¹ A t h e n., *Deipnosoph.* V, 199. d—e.

²² Исключение составляет книга Р. Пагенштехера, но она охватывала материалы раскопок до первой мировой войны — R. P a g e n s t e c h e r, *Necropolis*, Lpz, 1919.

В рассматриваемой главе А. Бернан в какой-то мере приблизился к осуществлению этой задачи, включив в текст книги описание большей части известных некрополей Александрии. Следуя сложившейся традиции в классификации александрийских некрополей, А. Бернан делит их на три группы: восточные, западные и некрополи о-ва Фароса. Рассмотрение некрополей он начинает с западной группы, относящейся к позднееллинистической и римской эпохам. Так же как и Э. Бречча, автор справедливо полагает, что Страбон писал только о западных некрополях, ибо восточные некрополи и некрополи о-ва Фароса в конце эллинистической эпохи были заброшены. Катакомбам Ком эль-Шукафа, относящимся к римскому периоду, уделено особое внимание. Автор подробно описывает трехъярусные подземные гробницы, где отчетливо прослеживается синтез греческой и египетской архитектуры, столь характерный для римской Александрии.

В обзоре западных некрополей в числе прочих материалов Бернан пользуется свидетельствами известного французского минералога Д. Доломье, побывавшего в Египте в 1798—1799 гг. и составившего любопытные описания окрестностей Александрии, включая некрополи.

Подземные гробницы некрополя Сук эль-Вардиан, открытые французской экспедицией в 1798 г., изучавшиеся и позднее — в 1896 г. и 1953 г., долгое время служат объектом дискуссии о характере их архитектурного оформления. Автор анализирует взгляды Р. Пагенштехера, писавшего о резкой египтизации, проявившейся в архитектурном решении всего комплекса, и И. Ноши, говорившего, наоборот, о типично греческой системе оформления некрополя. Автор связывает архитектурный стиль некрополя с катакомбами Ком эль-Шукафа и датирует его временем, более поздним, чем И. Ноши, — I в. н. э.

Подробно рассмотрены самые ранние александрийские некрополи — восточные. Свой обзор А. Бернан начинает с древнейшего некрополя Шатби, раскопки которого дали любопытные образцы расписных стел и ранние варианты подземных гробниц, получивших в дальнейшем распространение в погребальной архитектуре Александрии. Автор пишет и о близком по времени некрополе Ибрагиме, где наряду с обычными греческими погребениями встречены захоронения членов иудейской политевмы Александрии с арамейскими надписями. Особо выделены погребения наемников. Хронологическая последовательность в рассмотрении восточных некрополей прервана разделом, посвященным комплексу Сиди-Габер, датируемому I—II вв. н. э. А затем автор вновь возвращается к эллинистическим некрополям,

следующим по времени за Шатби и Ибрагимие. Некрополи Мустафа Паши (вторая половина — конец III в. до н. э.) и Гадра, состоящий из нескольких некрополей, относящихся к различным периодам III в. до н. э., завершают картину восточных эллинистических некрополей Александрии.

Отдельная глава (XVI) посвящена гробнице Александра Македонского. Глава эта содержит обзор материалов раскопок той части города, где, как предполагается, находилась гробница основателя Александрии.

Таким образом, А. Бернан в своей работе проделал первое обобщение результатов изучения большинства открытых к настоящему времени некрополей Александрии. Обзор его, не считая отдельных упущений, достаточно полный. Однако не упомянуты некрополь Минет эль-Бассаль и некрополь из окрестностей Александрии Плиния (Ком эль-Нугус).

Вместе с тем при таком охвате обширного материала исследовательский элемент, естественно, сужен, хотя стиль научно-популярного труда в этом разделе книги оказался менее всего. Поэтому одна из проблем, встающих перед исследователем, имеющим дело с александрийскими некрополями, — взаимодействие греческого и египетского начал, — не нашла должного решения на страницах книги. Автор рассуждает о специфике погребальных памятников Александрии, в оформлении которых сказываются признаки смещения греческих и египетских верований. Но этого недостаточно, чтобы решать вопросы о контактах двух культур, ибо, например, в раннеэллинистических некрополях мы не видим значительных египетских влияний, тогда как некрополи римского времени дают образцы органического сплава обеих культур. Между тем проблемы контактов и взаимодействия греческой и египетской культур вытекают из подобного обзора александрийских некрополей, ибо дина-

мика этого взаимодействия особенно ярко просматривается при хронологическом сопоставлении некрополей.

А. Бернан, не преследуя специально этой задачи, возможно, именно поэтому в обзоре некрополей отступил от хронологического принципа. Сначала он рассмотрел более поздние западные некрополи, затем несколько более ранние некрополи о-ва Фароса и, наконец, некрополи III в. до н. э. — восточные.

Несмотря на то, что историческое осмысление материалов некрополей автор свел к минимуму, эту часть его труда следует признать наиболее удачной благодаря ее полноте и богатству справочного материала.

В заключительной части книги исследователь обращается к сложной проблеме специфики культуры Александрии Египетской в греко-римскую эпоху. А. Бернан поддерживает устоявшееся в науке мнение, согласно которому особенности культуры Александрии складывались в смешанной греко-египетской среде, хотя он и не раскрывает динамики ее исторического развития.

Обращаясь к книге А. Бернана как к ценному во многих отношениях труду, необходимо учитывать, что одно сочинение, сколь бы всеохватывающим оно ни было, не может решить все вопросы, возникшие в ходе изучения культуры Александрии Египетской. Следует полностью присоединиться к мнению автора, высказанному им во вступительной части книги (стр. 23), что подобная работа может быть наиболее успешной при комплексном использовании труда различных специалистов: историков, археологов, искусствоведов, эпиграфистов.

Большая ценность книги А. Бернана, представляющей собой одно из наиболее значительных за последнее время обобщений проблем истории культуры Александрии Египетской, не подлежит сомнению.

Н. Г. Шурган

Mithraism in Ostia. Mystery Religion and Christianity in the Ancient Port of Rome («Garrett Theological Studies», № 1), Northwestern University Press, 1967

Рецензируемый сборник — результат коллективной работы, весьма успешной, как считает автор предисловия к сборнику Дж. Бекатти. — один из известнейших исследователей Остии. Руководитель этой работы С. Лехли в краткой вводной статье отмечает, что идея, легшая в основу так называемого «Остий-

ского проекта», родилась под воздействием исследований истории раннего христианства, проводившихся в «Garrett Theological Seminary». И хотя непосредственной целью участников проекта было всестороннее изучение мифраизма в Остии, оно все-таки понималось не как самоцель, а как путь к постижению той социальной

и экономической атмосферы Римской империи, в которой развивалось раннее христианство и одним из основных компонентов которой было такое значительное религиозное движение, как мифраизм.

Работы проводились в два этапа. В течение нескольких недель лета 1965 г. группа участников семинара работала в Остии, изучая на месте вещественные памятники мифраизма. Хотя почти все мифраистские находки уже изданы¹, все же было решено провести повторное обследование остийских мифреумов. Это делалось, чтобы участники работы могли проникнуть духом древнего города, собственными глазами увидеть изучаемые памятники. На втором этапе (уже в США) обобщались и осмысливались итоги полевой работы.

С. Лехли отмечает две помехи развитию исследований по истории раннего христианства. Это, во-первых, разрыв между работами исследователей, занимающихся письменными источниками и памятниками материальной культуры (археологов и историков искусства). Во-вторых, это невозможность для одного специалиста охватить все поле исследования. По мнению С. Лехли, оба эти препятствия были в известной мере преодолены в ходе коллективной работы. Историки-участники семинара вошли в мир памятников материальной культуры; в составе рабочей группы были ученые, специализирующиеся в различных областях истории Империи, и контакты в ходе работ позволяли изучать тему «Мифраизм в Остии» всесторонне. Кроме того, можно было прибегать к консультациям специалистов, не входивших в состав непосредственных участников работы.

Основная часть сборника открывается статьей Д. Гро «Остийский мифреум». Автор пытается определить главные черты остийского мифреума как типа здания, основываясь на материалах 14 известных сейчас в Остии сооружений этого рода. Д. Гро отмечает, что мифреум представляет собой прямоугольник длиной обычно от 30 до 40 футов и шириной от 13 до 18 футов. Вход расположен, как правило, в середине стены, противоположной культовой нише (иногда есть и другие входы, помимо главного, но расположение этого — главного — входа стандартно). Дверь из главного помещения мифреума никогда не выходит прямо на улицу. Само главное помещение вытянутое, вдоль длинных стен — подиум, пол между ними обычно украшен мозаиками. В глубине располагаются алтарь, бема с несколькими сту-

пеньками, ведущими к ней, алтарная ниша с рельефом, изображающим Мифротавроктона.

Автор отмечает единство устройства мифреумов, объясняемое, с его точки зрения, единством мифраистской литургии во всех общинах. Очень интересно, что на основании остийского материала можно говорить, что материал более чем полутора веков (середина II — рубеж III и IV вв. н. э.), когда строились остийские мифреумы, не показывает никакой эволюции в типе сооружения; сравнительно небольшие различия в устройстве объясняются тем только обстоятельством, что при строительстве всех мифреумов использовались ранее существовавшие на их месте сооружения. Во второй части статьи Д. Гро ставит вопрос о назначении отдельных частей мифреума. Интересными представляются его соображения относительно деления внутреннего пространства мифреума поперечной стеной на две части, предназначенные для высших и низших степеней посвященных.

В следующей статье, написанной Д. Шрейбером, сделана попытка показать место мифраизма в социальной и экономической жизни Остии. Прежде всего автор отмечает, что мифреумы разбросаны по всей территории города (лишь в одном месте два мифреума находятся в тесном соседстве). Другой интересный, с его точки зрения, факт: несколько мифреумов расположено в тех частях города, где поблизости нет жилых кварталов. Это свидетельствует об очень значительном влиянии мифраизма на жизнь города. Ни один из других культов, существовавших в Остии, не характеризуется таким именно типом распределения своих святилищ по городу. Отсюда следуют два вывода: 1) мифраистские общины предпочитали оставаться сравнительно небольшими по размерам и при необходимости обычно строили новое святилище, а не расширяли старое; 2) каждое из святилищ имело своих верующих с более или менее компактной территории в непосредственной близости от святилища.

Что же касается святилищ, расположенных в нежилых районах, то, вероятнее всего, они предназначались для людей, работавших, а не живших в этих районах (рабочие доков и складов). На основании имеющихся материалов трудно судить о социальном составе общин почитателей Мифры, но ясно, что в их составе были и рабы, и достаточно богатые граждане города.

Относительно истории распространения мифраизма в Остии автор делает следующие наблюдения: первые мифреумы появились в том районе города, где располагался теменос Великой матери — Атиса — Беллоны. Затем в распространении мифраизма ясно различаются два этапа: 1) конец II и начало III в., когда в очень населенных районах (к северу

¹ См. G. Becatti, *Scavi di Ostia II. I Mitrei*, Rome, 1954; M. F. Squarciapino, *I culti orientali ad Ostia*, Leiden, 1962; M. J. Vermaseren, *Corpus Inscriptionum et Monumentorum Religionis Mithriacae*, I—II, The Hague, 1956—1960.

от Декуманус Максимус и к западу от театра и Площади корпораций) распространяется мифраизм; 2) большая часть III в. н. э., когда мифраизм распространяется в центральной части города, к югу от Декумануса и в районе к востоку от Площади корпораций.

Ясно, что древнейшие мифреумы не связаны с районами доков и портовыми районами. Анализ характера и распространения мифреумов показывает также, что мифраизм, роль которого во II в. была сравнительно невелика, в III в. получает очень большое значение и включает в свою орбиту также верхние слои городского населения.

Следующая статья написана С. Лехли и называется «Мифраистский дуализм». Автор на примере Остии касается более общих вопросов распространения мифраизма в Римской империи. Он отмечает, что ни в центральном культовом мифе, ни в космологии, ни в теологии, культовой практике, символах мифраизма нет ничего такого, что было бы существенно новым по сравнению с другими культами и что привлекло бы жителей Империи к почитанию нового божества. Обычные объяснения о том, что этот культ распространяли солдаты и торговцы с Востока, чисто формальны и не позволяют понять, почему же это произошло.

Как одну из важнейших черт мифраизма Лехли отмечает его спиритуализацию. В то время как основным моментом культового мифа, отражаемого в рельефах каждого мифреума, было убийство быка, в практическом ритуале оно отсутствовало. Культовая практика, восходящая к первобытным верованиям, в римском мифраизме практически умерла, замененная ее символом. Это тем более важно для понимания мифраизма, что в той же самой Остии почитатели Кибелы продолжали совершать тавроболии.

В связи с этим Лехли отмечает, что переход от реального жертвоприношения к символическому (происшедший еще до распространения мифраизма в Остии) связан с превращением первоначально сельскохозяйственного культа (входившего в огромную группу культов и умирающей и воскресающей природы) в городской культ, каким мы его знаем в Римской империи. Но в такой форме мифраизм мало чем отличается от многих других восточных культов, и, по всей видимости, разгадка его успеха заключается не в той символике, которая лежит в основе его центрального мифа, а в характере его восприятия массами («символического перевода») и в формах социальной организации мифраистских общин.

Исходя из этого, автор считает, что в различных социальных группах римского общества значение культового мифа воспринималось по-разному. Он предполагает возможным выделить три возможных типа восприятия, при которых обществен-

ная психология члена мифраистской общины отождествляла бы участника культового действия с различными участниками мифа. Первая из таких идентификаций — с Мифрой, наиболее типична для солдата, вторая — с быком, убиваемым Мифрой, отвечает психологии раба, третья, в которой переживается судьба не кого-либо из участников культового мифа, а само событие, сам факт победы, имеет более широкие границы, чем две первые, и соответствует психологии римлян, связанных с морем, в первую очередь купцов.

Вторая важная черта мифраизма, с точки зрения Лехли, — его дуалистическая концепция. Отмечая многообразие типов дуализма, он считает, что для мифраизма характерен «социальный» дуализм, в котором член общины противопоставляет окружающий мир общине, расчленив бытие на две противостоящие фракции. В этом отношении мифраизм обнаруживает близкое родство со своим врагом — христианством.

Э. Саундерс и Д. Стюардсон написали следующую главу, где рассматривается вопрос о мифраистской литургии. Авторы отмечают, что вопрос этот в силу недостатка источников — один из самых темных. По их мнению, в литургии должен был отражаться один из важнейших мифов мифраизма — заключение союза между Мифрой и Солнцем, и они полагают, что изучение воспроизведенной этой мифологической сцены позволяет восстановить и литургию. Несколько видоизменяя схему Ф. Кюмона, они считают, что в мифе и соответственно в литургии порядок событий был следующим: 1) убийство быка Мифрой; 2) поклонение солнцу Мифрой; 3) инвеститура солнца Мифрой; 4) заключение ими договора дружбы; 5) совместный пир; 6) совместное вознесение на небо в солнечной колеснице. Определяя характер литургии и место в ней членов общины, имеющих различные степени посвящения, авторы особенно подчеркивают мысль о влиянии мифраистской литургии на христианскую евхаристию.

Заключается сборник статей С. Лехли «Христос и Мифра». Автор отмечает сложность и важность этой проблемы. Он считает, что назрела настоятельная необходимость детального исследования ее, объясняемая не только большим прогрессом в изучении мифраизма, но и новым пониманием ранней истории христианства, сложившимся в науке. В своей статье он хочет выделить лишь несколько вопросов этой проблемы.

С. Лехли отмечает четыре возможных формы взаимодействия христианства и мифраизма: 1) прямое влияние мифраизма на христианство; 2) прямое влияние христианства на мифраизм (эта сторона их взаимодействий обычно никогда не учитывалась); 3) общий источник для тех

или иных явлений в мифраизме и христианстве; 4) сходство, объясняемое тем, что и та и другая религиозная система развивались в единой социально-экономической и культурной среде.

Изучая сходные черты, встречающиеся в обеих системах, постоянно необходимо иметь в виду все четыре возможности появления этого сходства.

Кроме того, С. Лехли указывает на четыре момента, наиболее важных, как он полагает, в методологическом отношении для анализа соотношения мифраизма и христианства.

1. Необходимо иметь в виду изменение религиозной системы во времени. Автор подчеркивает, что при неизменности культового мифа и многих других внешних черт системы могут решительно измениться конкретное место системы в мире, ее социальная структура, сами верования.

2. Необходимо учитывать возможность географических вариантов в мифраизме. Мы знаем, что христианство в Нумидии и Александрии имело различный характер, так же, возможно, обстояло дело с мифраизмом.

3. Необходимо проводить четкую грань между бесспорно доказанными и только предполагаемыми контактами двух религий.

4. Определяя параллельность развития и его различия, необходимо, не ограничиваясь внешними сопоставлениями, постоянно иметь в виду влияние окружающей обстановки; необходимо учитывать социально притягательные моменты, психологические мотивы, которые могли определять для человека выбор той или иной религии; необходимо, наконец, прежде всего исследовать не различия в теологическом словаре, но существенные различия в теологических системах, скрывающихся за мифом и этической фразеологией.

Исходя из этих предварительных условий, С. Лехли ставит несколько вопросов, которые, как он отмечает, полностью могут быть решены только при изучении материала всей Римской империи. Здесь же он ограничивается только их постановкой и самым предварительным наброском решения.

Согласно подсчетам С. Лехли, в период расцвета мифраизма в Остии мифраистские общины города должны насчитывать около 1 тыс. человек, что составляет 2% от 50-тысячного остийского населения. Он отмечает, что полученная цифра одного порядка с цифрой, установленной А. Гарнаком² для христиан в Риме III в. н. э. (3%). Вероятно, число христиан и мифраистов в III в. в Римской империи было примерно одинаковым. Именно учитывая

это количественное соотношение, необходимо подходить к решению вопроса о причинах победы христианства над мифраизмом. Апологетическое решение, столь часто проскальзывающее даже в современных работах, не поможет, ибо и христианство и мифраизм действовали в единой социальной, психологической и религиозной обстановке, одним из основных явлений которой было банкротство старых римских религиозных представлений, замещавшихся в душах людей религиозными представлениями, пришедшими с Востока.

Среди явлений, общих христианству и мифраизму, необходимо отметить принципиально новую (по сравнению с обычной античной) трактовку культового здания. Античный храм заменяется домовою церковью и мифреумом. Это изменение выражает в архитектурных формах новое социально-религиозное явление — смену старого типа религиозности новым, в котором решающее место принадлежит не отдельной индивидуальности, а узкому коллективу верующих, объединенных в общину. Характерной особенностью такого рода общины была «тайнственность», «закрытость», проявлявшаяся в трех разных сферах: социальной исключительности, существовании тайной теологии, тайного ритуала. В той или иной степени эти элементы присутствуют во многих религиозных системах (и даже не религиозных) Империи, в том числе и в христианстве и мифраизме.

Но наряду с этими чертами сходства можно отметить и некоторые серьезные различия между двумя религиозными системами. Прежде всего это касается вопроса об обращенной вовне пропаганде этих религиозных учений. С. Лехли отмечает, что основные идеи, с которыми обращался к миру мифраизм, были предельно ясными и отчетливыми. Он обещал простой путь к «возрождению и вечному спасению». В проповеди христианства не было этой простоты, в ней причудливым образом смешались идеи, отвечающие духу времени, и идеи, ему чуждые. Сила христианства в отличие от мифраизма заключалась в теологии, стоявшей за проповедью. Ядром теологии была драма, которая и привлекала массы.

Другое отличие и другой фактор победы христианства заключается, по мнению автора, в его всеобщности. И в этом отношении при известных общих чертах христианства и мифраизма следует отметить и существенные различия. Христианская община имела сильную внешнюю, даже политическую функцию. Критический период, обеспечивший победу христианства над мифраизмом, — это время последних «солдатских императоров», когда христианство, став большой политической силой, сумело выдержать удары императорской власти. Христианство в этой обстановке отвечало общему духу, отказываясь почитать изображения импера-

² A. von Harnack, *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten*, II, Lpz, 1924, стр. 805.

торов — мифраизм таких конфликтов с Империей не имел. Христианство отличалось от мифраизма и большей внутренней спаянностью. Для мифраизма путь спасения — это движение вверх, к солнцу, через посредство вхождения в общину верующих. Мифраизм более индивидуалистичен. Христианство более коллективистично: теологически это выражалось в формуле Василия Кесарейского — без любви к братьям нет любви к богу. Именно это способствовало значительно большей сплоченности христианских общин. Наконец, немалую роль сыграло и участие женщин в христианском культе, в то время как в мифраистском они не могли участвовать.

Ценность рецензируемой работы не подлежит сомнению. Подробное, хотя и довольно эскизное по своему характеру, монографическое изучение мифраизма в одном городе интересно и в более широком плане. Авторы смогли увидеть и документально подтвердить ряд явлений ускользавших от прежних исследователей. В этой связи следует отметить изучение распределения мифреумов по городу и все основанные на нем выводы. Очень ценен сам основной методологический подход к исследованию мифраизма — стремление рассматривать его постоянно как один из элементов социальной и культурной структуры общества Римской империи. Сопоставление мифраизма и христианства проведено под новым углом зрения.

Вместе с тем нам хотелось бы сделать и несколько критических замечаний.

Прежде всего, с нашей точки зрения, нельзя ранний мифраизм сводить только к культу умирающей и воскресающей природы. Это, как нам представляется, — позднейшее значение культа. Первоначально же, на самой ранней стадии развития, культ бога Мифры имел совершенно иной характер: Мифра выступал как олицетворение существующего общественного строя, верховный гарант всеобщего порядка, царящего как в мире природы, так и в человеческом обществе, покровитель и освящение идущих от предков рядков. Именно эти идеи — древнейшие и именно ими определяется вся фундаментальная внутренняя структура системы, приобретающая различный внешний характер по мере развития общественных отношений: бог — покровитель общинного строя на ранней стадии, бог — покровитель царской власти в классовом обществе, бог — покровитель воинов в эпоху «военной демократии».

Другое наше замечание касается поднятой С. Лехли проблемы различных типов восприятия центрального культового мифа мифраизма в различной социальной среде и различных, соответственно, типов отождествления верующих с героями мифа. Не отрицая правомерности подобного подхода, мы все-таки склонны думать, что автор чересчур сильно под-

черкнул грани между устанавливаемыми им типами восприятия мифа. Если они и существовали, то позволительно говорить скорее о нюансах, чем о каких-то резко подчеркнутых границах. Поразительное единство типа культового здания, иконографии и т. д. — все это свидетельствует о существовании сильной, централизованной жреческой корпорации, регламентирующей все стороны жизни общин. Невозможно себе представить, чтобы такая корпорация могла допустить столь различное толкование центрального события культового мифа и, соответственно, столь различную трактовку основных концепций религиозной системы. Нельзя же представить себе, чтобы в ортодоксальной христианской церкви того времени в одних общинах таинство евхаристии трактовалось как причащение «телом и кровью Христа», а в других — каким-либо иным образом.

В этом положении С. Лехли наиболее отчетливо виден основной порок его подхода и к мифраизму, и к христианству — смещение понятий религиозной психологии и религиозной идеологии, практически сведение второй к первой. Подчеркнутое внимание к отдельным небольшим общинам, к тому социальному и религиозному опыту, который получает человек в этих микроструктурах религиозной системы, естественно порождает у автора преувеличенное представление о роли религиозной психологии, носителями которой выступают отдельные индивидуальности или небольшие группы их. В то же время он почти абстрагируется от основных вопросов религиозной идеологии как формы общественного сознания, как одной из форм выявления социальной позиции различных общественных групп. Каждая из религиозных общин входила в обширную систему формирующейся церкви, и многое в процессе развития и христианства и мифраизма может быть понято не только при взгляде «изнутри» (как у С. Лехли) — через одну общину на мир, но и при взгляде «снаружи», позволяющем заметить те пяти взаимодействия, которые связывали различные общины в единую церковь. Очень многое в различии исторических судеб раннего христианства и мифраизма объясняется тем, что христианство смогло сцентрировать не только членов одной общины, но и все общины.

Но именно такого подхода у С. Лехли нет, и поэтому он в поисках ответа на вопрос о причинах победы христианства обращается к области теологии. Здесь, нам кажется, С. Лехли забывает, что собственно теология мало привлекала рядового члена общины. Учитывая социальный состав раннехристианских общин, большая часть членов которых вышла из низов, мы можем думать, что тонкости теологии их не привлекали и что наверняка большая часть их удовлетворялась

набором из нескольких идей, наиболее отвечающих (в силу каких-либо причин) их умонастроениям. Таким образом, это направление поисков С. Лехли не представляется нам плодотворным.

Итак, ряд положений С. Лехли и других участников сборника должны быть оценены критически, но нельзя не отме-

тить при этом, что рецензируемое исследование, во многом новое по своему подходу к проблемам, является заметным событием в историографии мифразма, в изучении его взаимоотношений с христианством.

Г. А. Кошелев

W. PEREMANS ET E. VAN'T DACK, *Prosopographia Ptolemaica VI. La cour, les relations internationales et les possessions extérieures, la vie culturelle*, № 14479—17250, par W. Peremans, E. Van't Dack, L. Mooren, W. Swinnen («*Studia Hellenistica*», 17, Louvain, 1968), LV+297 стр.

Начиная с 1950 г. в Бельгии в серии «*Studia Hellenistica*», издаваемой Лувенским университетом, выходит многотомная «*Prosopographia Ptolemaica*», над составлением которой работают известные бельгийские папирылоги В. Переманс и Е. Ван'т Дакк. До настоящего времени вышло шесть томов просопографии: т. I. Гражданская и финансовая администрация (*L'administration civile et financière*, № 1—1824, XXVI + 164 стр., 1950); т. II. Сухопутная армия и полиция (*L'armée de terre et la police*, № 1825—4983, XXXVI + 277 стр., 1952); т. III. Жречество, нотариат, суды (*Le clergé, le notariat, les tribunaux*, № 4984—8040, XXXII + 312 стр., 1956. В сотрудничестве с De Meulenaere и J. Ijsewijn); т. IV. Земледелие и скотоводство (*L'agriculture et l'élevage*, № 8041—12479, XXVIII + 403 стр., 1959); т. V. Торговля и промышленность, сухопутный транспорт и флот, челядь (*Le commerce et l'industrie, le transport sur terre et la flotte, la domesticité*, № 12480—14478, XXXIX + 192 стр., 1963) и рецензируемый нами т. VI. Двор, международные отношения и внешние владения, культурная жизнь.

Составителями «Птолемеевской просопографии» проделана огромная и трудоемкая работа. В шести томах просопографии собрано 17250 имен, встречающихся в папирусах, надписях, литературных источниках. Все имена распределены по рубрикам, разработанным составителями. Каждое имя, помещенное в основной для этого имени рубрике, сопровождается титулами, прозвищами, служебными и профессиональными и т. д., которые ему были присвоены в папирусах, надписях, литературных источниках. Предлагается краткий комментарий и указывается важнейшая научная литература, в которой идет речь о данном лице и о функциях, которые оно исполняло. В последующих томах как общее правило производится сноска на предыдущие тома, если это имя там уже встре-

чалось. Каждый том начинается обстоятельным деловым введением, в котором объясняются принципы составления и правила пользования данным томом.

Рецензируемый нами шестой том «*Prosopographia Ptolemaica*» свидетельствует о непрекращающейся кропотливой и тщательной работе ее неутомимых авторов, время от времени привлекающих к ней и высококвалифицированных сотрудников. Как и в ранее изданных томах начиная с 1950 г., авторы предпослали VI тому подробное введение, где изложили общие принципы отбора и расположения имен по группам, которыми они руководствовались и руководствуются, начиная с подготовки к изданию I тома.

В шестом томе собраны 2772 имени, списки которых распределены по трем большим разделам и многочисленным подразделам. Вот его содержание: I раздел: Царский двор (№ 14479—14737). Он состоит из семи рубрик-подразделов: 1) царская фамилия (здесь собраны 97 ее членов и отмечены их сложные родственные отношения), 2) ἑλπίστοι, φίλοι τοῦ βασιλέως, царские советники, наделенные различными титулами, 3) список воспитателей царевичей, 4) одно лицо с титулом σύντροφος τοῦ βασιλέως, 5) придворные служанцы, должностные или почетные лица, 6) шуты, παρὰσχοι, спутники и другие лица с подобного рода титулами, 7) придворные дамы. II раздел: Международные отношения и внешние владения Лагидов (№ 14738—16508). Он состоит из 22 рубрик-подразделов: 1) послы и посредники на службе у Лагидов или уроженцы Египта; 2) иностранные послы и посредники в Египте, 3) прохосены Лагидов, 4) теодороки и теоры: а) теодороки Лагидов, б) теоры Лагидов, в) иностранные теоры в Египте; 5) жрецы царского культа Лагидов за границей, 6) правители областей, 7) начальники опорных пунктов, гарнизонов, коменданты крепостей или других военных постов, 8) другие царские уполномоченные, эпи-

статы и судьи, 9) офицеры и сержанты, 10) интенданты, технический и медицинский военный персонал, 11) рядовые воины, 12) общегражданская и финансовая администрация, 13) администрация внешних владений: не датированные и сомнительные случаи, 14) египтяне за границей: а) александрийцы за границей, б) прочие египтяне за границей; 15) иностранцы в Египте: а) завоеватели, командующие армиями и офицеры-иностранцы, б) политические изгнанники, в) пленники, заложники и перебежчики, д) прочие иностранцы в Египте; 16) связи Египта со странами Востока и Юга, 17) связи круга Аполлония и Зенона с заграницией. III раздел: Культурная жизнь (№ 16509—17250). Он состоит из 17 рубрик-подразделов, расположенных в трех больших подразделах — А. Науки и искусства: 1) библиотекари и эпистаты Мусейона, 2) точные и прикладные науки: а) греческая наука, б) туземная наука; 3) медицина: а) греческая медицина, б) туземная медицина; 4) литература: а) поэты, б) философы, в) риторики, д) грамматики, е) историки, географы и мифографы, ф) литература иудейско-эллинистическая; 5) музыканты, актеры и танцоры, 6) живопись, скульптура, торевики и меньшие искусства; В. Воспитание — 1) гимнасиархи, косметы и *παιδαγωγοί* гимнасия или палестры, 2) *διδασκαλοί*, *παιδαγωγοί* и *τροφεῖς*, не связанные с царским домом; *ἐπιμελεῖς* и *παιδ-τροφεῖς*; воспитатели, состоящие при храмах; С. Игры и праздники — 1) организация праздников, 2) атлеты и участники гимнастических и конных конкурсов.

Таково богатое и разнообразное содержание VI тома. Как отметили составители просопографии, распределение материала на разделы и подразделы потребовало решения целого ряда новых конкретных проблем, целью которых было желание построить по возможности наиболее точную классификацию.

Вообще авторы стремятся к всестороннему просопографическому исследованию материалов с учетом всей совокупности эллинистических источников. Они справедливо отмечают недопустимость изолирования птолемеевской документации. Но при этом они подчеркивают, что составляют именно птолемеевскую просопографию. Поэтому кроме местного населения в ней помещены только лица родом из Египта, проживающие или временно находящиеся за границей, иностранцы, находящиеся или проезжающие через Египет, все лица, которые состоят на службе у Птолемея в странах, зависимых от них или находящихся под их влиянием. Во внешних владениях Лагидов и на зависимых территориях составители просопографии включили в списки только тех лиц, которые служили в «оккупационных», как они выражаются, инстанциях Лагидов. Лиц, служа-

щих в местных учреждениях этих стран, составители просопографии принципиально не включают. Далее они отметили случаи, когда одно и то же лицо в течение своей жизни сотрудничало с различными эллинистическими правительствами. При таких обстоятельствах авторы просопографии исследовали только ту часть его деятельности, когда оно было на службе у Лагидов.

В VI томе было продолжено начатое еще в предыдущем — V томе расширение принципов классификации лиц, так как оказалось недостаточным группировать их по должностям или профессиям. Как известно, в источниках встречаются лица, у которых неизвестны ни титул, ни должность, ни профессия, но которые играли свою роль в птолемеевской системе. Размещение этих имен в алфавитных списках дает возможность углубить изучение состава двора, международных отношений Лагидов, роли Александрии в культурном развитии. Расширение принципов классификации относится и к спискам членов царской фамилии и к спискам придворных дам и к категории иностранцев в Египте в тех параграфах, которые посвящены сношениям Египта со странами Востока или Юга и к связям круга Аполлония и Зенона с заграницией и т. д. Надо отметить, что расширение принципов классификации вполне обосновано составителями и является прямым результатом их все расширяющихся и углубляющихся просопографических исследований.

При составлении каждого нового тома задачи составителей усложняются, на что они сами обратили внимание читателей: каждый том — в том числе том VI — составная часть более обширного ансамбля. Множественность функций руководящего персонала в Птолемеевском Египте тем более усложнила в VI томе задачу не только распределения лиц по специальным спискам, но и обусловила необходимость делать отсылки на другие разделы VI тома и на предыдущие тома, в которых эти лица уже были упомянуты в связи с другими их функциями. Так, например, лица, числившиеся в составе царского двора, частично указывались в предшествующих томах, а также часть их была отнесена и в VI томе в списки, посвященные культурной жизни. Например, многие воспитатели царевичей как деятели культуры были помещены и в этом разделе. Некоторые существенные элементы царского окружения, а именно: царская канцелярия была представлена в I томе просопографии, царская гвардия — во II, судебные учреждения — во II и III томах, жрецы — в III томе. Все эти отсылки надо принимать во внимание при изучении списков лиц, помещенных в разделах VI тома. Несомненной трудностью для составителей было определение реальной функ-